

СОЦРЕАЛИЗМ: АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Игорь Смирнов

1. *Человековедение минус человек плюс человек минус человековедение*

Сталинский дискурс не создал своей оригинальной философской антропологии в противоположность нацистской культуре, в рамках которой А. Гелен (1940) обрисовал человека как аскетическое существо, подавляющее непосредственные желания ради того, чтобы сделать будущее открытым. Человек, по А. Гелену, характеризуется двумя чертами, каковы суть: «*die Hemmbarkeit und die Verschiebbarkeit der Bedürfnisse und Interessen*»*. Здесь и сейчас, — считает А. Гелен, — не значимы для человека (положение, подразумевающее, что человек не значим здесь и сейчас): «*Die bloß ausbrechenden zufälligen Triebhandlungen im "Jetzt" müssen grundsätzlich gehemmt werden können, wenn Dauerinteressen lebensnotwendig sind: sie wachsen nur auf den unterdrückten Jetztbewältigung*»**¹. Антропологию А. Гелена можно назвать негативной: человек исчерпывается в ней его способностью к самоотрицанию, его отказом от самосохранения.

То, что Гелен высказал эксплицитно, хотя и не имело точно сформулированных параллелей в сталинизме, все же нашло себе там косвенное выражение, — прежде всего, в художественных текстах². Когда сталинская литература демонстрирует читателям философа, чьим предметом служит *conditio humana*, этот герой вынуждается — по тем или иным обстоятельствам — прервать свою мыслительную активность или, по меньшей мере, урезать ее эффективность. Негативной антропологии Гелена соответствует в соцреализме негация антропологии.

Так, в пьесе Афиногенова «Страх» (1930) старый ученый Бородин, исследующий человеческое поведение, выдвигает неортодоксальную теорию, согласно которой оно стимулируется страхом. Но затем, попав в полное одиночество, отрекаясь от своих взглядов и возвращается в коллектив (эта эволюция афиногеновского героя совершается по модели Кьеркегора, в которой человек продельывает путь от грехопадения=свободы=страха к вере). Воропаев из «Счастья» (1947) Павленко бросает писать книгу «Нравственный элемент на войне», дабы всецело отдаться работе районного пропагандиста. Студента Владимира Дегтярева, сочиняющего в романе Ильенкова «Большая дорога» антропоонтологический трактат «С Востока свет» о «великой радости жизни»³, заживо сжигают нацисты. Интриги Грацианского мешают профессору Вихрову в романе Л. Леонова «Русский лес» (1953) излагать печатно его соображения о необходимости для человека соблюдать экологический баланс, хотя устно ему и удается довести эту мысль до студентов (впрочем, уходящих на фронт, обреченных на встречу со смертью): «...Эрозия почв вызывает эрозию духа, эгоизм и страх, философию перенаселенности, бесплодие мысли и,

* *Сдерживание и перенос интересов (нем.)*. (подчеркнуто автором. — И. С.)

** Необходимо суметь радикально сдержать чисто спонтанное следование случайным влечениям «сейчас», когда жизненно важными становятся длительные интересы: но они и возникают лишь при подавлении гегемонии «сейчас» (нем.).

наконец, утрату веры в самое человеческое призвание»⁴.

Иногда советская литература рассматривает философствование о человеке даже как безусловно враждебное социалистическому строительству: поклонник «Творческой эволюции» Бергсона, партийный журналист Калабух, изображенный Малышкиным в «Людах из захолустья» (1938), — злостный противник коллективизации.

Приостанавливавшая мышление о человеке, соцреалистическая литература компенсаторно очеловечивала (вне и помимо мифологического анимизма) неживую природу. Резонер из шагиняновской «Гидроцентрали» (1930—1931) утрирует В. И. Вернадского, петрифицируя человека, с одной стороны, а с другой, — превращая геологию в общественную науку: «Вы раскалываете пласты... но *современные живые пласты...* — разве нельзя мыслить их вместе с землей, воспринимать в целом?... Пора геологии, подобно истории, повернуться лицом вперед... Это значит, и ей придется в некотором роде социологизироваться...»⁵

В русской культуре с ее всегдашней подменной философией литературой и олитературиванием философии тоталитарный отрицательный подход к (обще)человеческому оказался передоверенным конкурирующим с философией, ее обычно преодолевающим эстетическим текстам⁶. Задним числом кажется закономерным тот факт, что выступления против «безродных космополитов» (против человека в его всезначимости) были развязаны (в 1948 г.) нападками Фадеева на теорию бродячих сюжетов и что первыми жертвами этой кампании явились литературоведы и критики: в русских условиях в авангарде похода, объявленного антропологизму, стояло эстетическое не только как практика, но и как теория⁷. Но как бы ни различались немецкая (философствующая) и русская (эстетизирующая) культуры, негативная антропология и негация антропологии на глубинном уровне понимания суть одно и то же.